

Преимущества и недостатки негосударственных вооруженных формирований в обеспечении безопасности ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Аналитическая записка № 391
ПОНАРС Евразия
Октябрь 2015 года

Кимберли Мартен¹
Барнард-колледж, Колумбийский университет

Негосударственные (или неформальные) вооруженные формирования играют ключевую роль для обеих сторон конфликта на востоке Украины. Они увеличивают военный потенциал сторон и в некоторых случаях предоставляют возможность правдоподобно снимать с себя ответственность за случаи жестокости. Однако, те правительства, которые поддерживают неформальные вооруженные формирования, сталкиваются с проблемой взаимоотношений между принципалом и агентом, в соответствии с которой у вооруженных формирований есть свои интересы и цели, не всегда совпадающие с интересами и целями соответствующих государств, будь то России или Украины. По крайней мере для Киева одним из способов смягчения остроты этой проблемы является поддержание хороших отношений с теми олигархами, которые представляют собой дружественный по отношению к государству канал коммуникации с неформальными вооруженными формированиями. Если Киев преждевременно прервет связи с этими олигархами, то он оставит себя без важного механизма мониторинга и контроля.

Проблема взаимоотношений между принципалом и агентом

Во всем мире те государства, которые поддерживают неформальные вооруженные формирования, сталкиваются с тем, что в социальных науках называется «проблемой принципала-агента». «Агент» (в данном случае вооруженные формирования) имеет свои интересы и цели, которые не во всем совпадают с интересами и целями «принципала» (в данном случае государства); кроме того, «агенту» часто не хватает сил для выполнения миссии настолько хорошо, насколько ее мог бы выполнить «принципал», если бы он мог позволить себе или был в состоянии сделать эту работу сам. «Принципал» не может осуществлять адекватный мониторинг деятельности «агента», ибо «агент» всегда лучше

---

¹ [Кимберли Мартен](#) – профессор политологии, стипендиат фонда Энн Уитни Олин в Барнард-колледже Колумбийского университета и руководитель программы по российско-американским отношениям Института Гарримана при Колумбийском университете. Настоящая аналитическая записка была написана как вклад автора в проект, организованный Джеком Снайдером и Раджаном Меноном при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке.

чем «принципал» информирован о происходящем на местах; зачастую у «агента» также есть основания не делиться всей информацией с «принципалом». Способность государства контролировать неформальные вооруженные формирования ограничена, поскольку такие формирования фактически не подчиняются его формальной иерархии командования. Все это означает, что порой «агент» преподносит «принципалу» неожиданности и разочаровывает его.

К примеру, большинство западных экспертов разделяет мнение о том, что поддерживаемый Россией лидер ополченцев Игорь Гиркин (также известный как Игорь Стрелков) вероятно несет ответственность за сбитый в июле 2014 года над расположенной в Восточной Украине территорией Донбасса малазийский пассажирский самолет рейса МН-174; принимая во внимание, что он сначала опубликовал в своем профайле в соцсети, а затем удалил сообщение о том, что его силы сбили украинский военный самолет. В результате смерть сотен европейцев (включая 193 гражданина Нидерландов) в более значительной нежели ожидалось степени сплотила Европу по вопросу относительно режима санкций против Москвы. «Агент» (в данном случае Гиркин) действовавший от имени «принципала» (Москвы, как основного покровителя мятежников) сделал такой выбор, который «принципал» никогда бы не поддержал. Что касается другой стороны конфликта, многие подозревают лидеров вооруженных формирований украинского «Правого сектора» в неонацистских ультранационалистических симпатиях, которые украинское государство (по крайней мере, в своем нынешнем состоянии) не разделяет. Командиры «Правого сектора» отказались подчиняться Национальной гвардии Украины; вместо этого некоторые из его подразделений приняли участие в жестком вооруженном противостоянии с украинской полицией и в митингах в Киеве за отставку украинского правительства.

Несмотря на упомянутые проблемы взаимоотношений между принципалом и агентом, во всем мире с давних времен государства в разных целях сотрудничали с неформальными вооруженными формированиями как на своей территории, так и в соседних странах. В различных случаях, от Афганистана и Ирак до Палестинской Автономии и Ливии, Соединенные Штаты и их союзники часто поддерживали подобного рода вооруженные формирования, поскольку считали это выгодным в плане безопасности. В случае с Украиной США открыто заявили, что не станут работать с «Правым сектором» или с другими вооруженными формированиями, имеющими в своих рядах тех, кто демонстрировал поддержку ультранационалистических и расистских идей (например, с батальоном «Азов»). Однако американские военные тренировали другие неформальные вооруженные формирования, согласившиеся выступать под эгидой создаваемой Национальной гвардии. Судя по всему, эти вооруженные формирования в основном финансируются частными донорами; и вероятность того, что по-настоящему централизованная командная структура могла бы подчинить их Киеву представляется низкой, учитывая что структура этих подразделений (а, следовательно, их организационная культура и лояльность) остаются неизменными.

Каковы выгоды и издержки сотрудничества с неформальными вооруженными формированиями с точки зрения безопасности? Каким образом можно умерить издержки в условиях, когда достоинства представляются столь значительными?

Недостатки неформальных вооруженных формирований

Проблема неформальных вооруженных формирований во всем мире (особенно в таких известных высоким уровнем коррупции государствах как Украина и Россия,) состоит в том, что их лидеры часто имеют смешанные мотивы. Хотя они и считают себя патриотичными сторонниками соответствующих государств, набор в формирования зачастую осуществляется с помощью местных сетей личного патроната. К примеру, в состав проукраинских неформальных вооруженных формирований входят батальоны «Айдар» и «Днепр-1», в основном комплектуемые за счет местных жителей (дополняемые небольшим числом иностранных бойцов) и открыто финансируемые днепропетровским миллиардером и олигархом Игорем Коломойским ([как сообщается](#), также помогавшим финансировать батальоны «Азов» и «Донбасс»). Хотя эти батальоны официально перешли в подчинение украинского государства в середине 2014 года, Коломойский использовал группу вооруженных людей в военном обмундировании в противостоянии с киевскими властями по поводу контроля над государственной нефтетранспортной компанией «Укртранснафта» в марте 2015 года. Президент Порошенко в ходе своей антикоррупционной кампании сменил бывшего руководителем «Укртранснафта» компаньона Коломойского Александра Лазорко, что означало удар по интересам Коломойского.

Во всем мире для неформальных вооруженных формирований не является чем-то необычным участие в контрабанде, незаконной транспортировке оружия и наркотиков, торговле людьми, незаконном подключении к нефтепроводам и в других формах нелегальной активности, приносящих им частную выгоду в ущерб государству. Ввиду того что подобные формирования часто действуют в слабых государствах или в недостаточно контролируемых правительствами районах (таких как охваченные конфликтами пограничные регионы), их активность, подрывающую власть государства, трудно отслеживать силами официальной полиции или пограничников, не говоря уже о том, чтобы ее контролировать. В тех ситуациях, когда на протяжении многих лет государства опираются на неформальные вооруженные формирования в малоконтролируемых регионах, может укрепляться власть отдельных лидеров боевиков, которых становится практически невозможно низложить: попытка сместить такого лидера сама по себе способна спровоцировать новый вооруженный конфликт.

Число тех случаев, в которых неформальные вооруженные формирования бросают вызов государственной власти, практически бесконечно. Вместе с тем, явственные примеры основанного на смешанных мотивах поведения и властвования полевых командиров надежно зафиксированы в случаях Северного Альянса и афганской местной полиции в Афганистане; [Палестинской администрации](#); между участниками схем городского крышевания в Багдаде и племенными неформальными вооруженными формированиями в провинции Анбар (как во время правления Саддама Хусейн, так и во время последовавшей американской военной интервенции в Ирак); в случаях Аджарии и небольшого региона Верхнее Кодори в Грузии во времена президентства Эдуарда Шеварднадзе, а также правления Рамзана Кадырова в российской Чечне.

Недавним примером может служить вооруженное столкновение между украинским «Правым сектором» и полицией в западноукраинском городе Мукачево, которое, согласно [некоторым сообщениям](#), произошло из-за борьбы за контроль над маршрутами контрабанды сигарет.

Помимо участия в напрямую противоречащей законам государства криминальной деятельности, неформальные вооруженные формирования часто злоупотребляют властью и чинят произвол в отношении местного населения. Как отмечает в своем великолепном [исследовании](#) гражданских войн Статис Каливас, избирательное насилие в отношении гражданского населения может являться эффективным инструментом достижения покорности местного населения. Джейсон Лайалл и его соавторы, на примерах как [Чечни](#), так и в [Афганистане](#) показывают, что в тех случаях когда этничность осуществляющих насилие групп и их жертв совпадает, перспектива перехода гражданского населения на другую сторону конфликта маловероятна. Следовательно, издержки жестокости в такого рода случаях представляются незначительными. Однако, если мы рассмотрим более долгосрочную перспективу, многочисленные исследования показывают, что подавление гражданских прав становятся важной причиной как гражданской войны, так и экстремизма с терроризмом. Это означает, что доминирование на какой-либо территории фактически неподотчетных государству неформальных вооруженных формирований может создать большую проблему для стабильности и безопасности государства в долгосрочной перспективе, даже если в текущий момент насилие показывает свою эффективность для контроля над инакомыслием.

Более того, по определению не существует легальной процедуры определения географических рамок действия распоряжений тех или иных неформальных вооруженных формирований или порядка передачи власти от одного полевого командира к другому. От Мексики до Ливии распри в неформальных вооруженных формированиях в последние годы привели к огромному уровню насилия и нестабильности. Эта участь не миновала и Украину, как это было, например, в случае недавнего кровопролитного соперничества между руководителями казачьих и неказачьих формирований в Луганске.

Сильные стороны неформальных вооруженных формирований

Почему же государства сотрудничают с неформальными вооруженными формированиями, учитывая все связанные с ними проблемы?

Наиболее очевидная причина этого состоит в том, что вооруженные формирования служат усилению военной мощи слабых, недофинансируемых армий. Система управления украинской армией, например, воспринимается даже многими украинцами как разъеденная коррупцией, некомпетентностью и российскими шпионами.² В результате, государство

---

² См. примеры недавних упоминаний в прессе: "[Guns and Underpants: Ukrainian Army Hobbled by Bureaucratic Woes](#)" Reuters, July 29, 2015," (Ружья и трусы: украинская армия в затруднительном положении из-за бюрократических проблем, Рейтерс, 29 июля 2015); Olga Rudenko, "[Thousands Dodge Ukraine Army in Fight with Rebels](#)," *USA Today*, May 6, 2015 (Ольга Руденко, Тысячи уклоняются от борьбы украинской армии с мятежниками, США сегодня, 6 мая 2015); and Alec Luhn, "[Corrupt, Cash-Strapped and Lacking Skill: The Ukrainian Army Britons Come to Train](#)," *The Guardian*, Mar. 19, 2015 (Алек Лун, Коррумпированная, недофинансируемая и недостаточно обученная - украинская армия которую приехали тренировать британцы,

терпимо относится к действующим в районе Мариуполя (на востоке Украины) не только «Правому сектору», но даже состоящим из исламистов вооруженным формированиям из Чечни; поскольку сотрудничество с ними считается необходимым для выживания украинского государства.

Государствами с более дееспособными вооруженными силами (такими как Россия) неформальные вооруженные формирования долгое время использовались для удержания территории и обеспечения возможности правдоподобно снимать с себя ответственность за случаи жестокости в трудноконтролируемых пограничных регионах. Наиболее яркий пример – решение президента Владимира Путина по продвижению и сохранению Кадырова в качестве лидера Чечни – шаг, который позволил эффективно завершить Вторую чеченскую войну. Россия, однако, едва ли уникальна в подобном выборе.

Более того, взаимодействие с неформальными вооруженными формированиями является чем-то вроде меры выстраивания доверия для контроля над насилием в конфликтных пограничных регионах. Хотя этого пока не наблюдалось на востоке Украины, существует два других примера, которые Киев и Москва могут держать в уме, продвигая свои позиции на переговорах (оба подробно описаны в моей книге [«Полевые командиры»](#), изданной в 2012 году).

Первый пример – Федерально управляемые племенные территории в Пакистане в 1970-х гг. Подкупая местных пуштунских маликов (вождей) и их неформальные вооруженные формирования, пакистанское правительство противостояло движению по созданию независимого государства «Пуштунистан», чьих сторонников подстрекал соседний Афганистан (весьма вероятно, при поддержке Индии). Хотя многие и сокрушаются по поводу того, что эти выплаты способствовали коррупции и политическим репрессиям в зоне племен, такое урегулирование предотвратило кровопролитную войну и кризис с беженцами, подобные тому, что сопровождали отделение бывшей пакистанской провинции Бангладеш в 1971 году (сторонники движения в поддержку Пуштунистана считают независимость Бангладеш вдохновляющим примером).

Вторым примером является регион Верхнее Кодори, захваченный поддерживаемой Россией Абхазией в войне 2008 года, а до того имевшее статус неоспариваемой части Грузии. Военный лидер Кодори Эмзар Квициани, участвовавший в контрабанде, был для Тбилиси бельмом в глазу. Однако в течение какого-то времени его правление терпел и финансово поддерживал грузинский президент Э.Шеварднадзе; возглавляемое Квициани ополчение «Монадире» служило в качестве сил прикрытия, обеспечивавших соблюдение соглашения о прекращении огня 1994 года, заключенного между Грузией и Абхазией при посредничестве Москвы вслед за страшной гражданской войной в Абхазии. Такая политика использования сил прикрытия служила интересам обеих сторон, поскольку Кодорское ущелье часто воспринималось как стрела, указывающая с территории Грузии прямо на абхазскую столицу Сухуми. Как Грузия, так и Абхазия знали, что Квициани и его «Монадире» стояли на пути территориального расширения любой из сторон. Решение

Гардиан, 19 марта 2015). Эта тема неоднократно упоминалась в разговорах с украинскими политиками, журналистами и представителями академической среды, которые автор вел в Львове, Днепрпетровске и Киеве в мае 2015 года.

сменившего Шеварднадзе Михаила Саакашвили сместить Квициани и превратить Верхнее Кодори в витрину прозападного развития Грузии вероятно стало одной из причин, спровоцировавших войну 2008 года.

Работа с неформальными вооруженными формированиями: уроки прошлого

Допустим, что российское и украинское государства продолжают работать с неформальными вооруженными формированиями на востоке Украины и примем во внимание, что такие вооруженные формирования могут иногда служить важным геополитическим целям. В таком случае, что могут рассказать нам примеры из прошлого о способах справляться с опасностями проблемы «принципала-агента»?

Возможно самым важным уроком служат упомянутые выше примеры из Грузии. Хотя Саакашвили, возможно, совершил ошибку, убрав силы прикрытия «Монадире» из Верхнего Кодори, он все же успешно сместил как Квициани, так и еще одного поддерживавшегося Россией военного лидера Аслана Абашидзе в расположенной на границе с Турцией грузинской провинции Аджария, с которым ранее сотрудничал Шеварднадзе. Тем самым Саакашвили продемонстрировал, что эти «агенты» в действительности не смогли избежать контроля со стороны «принципала», а в Аджарии он положил конец долгое время действовавшему там контрабандистскому режиму Абашидзе.

Ключом к успеху Саакашвили стал его доступ ко впечатляющим данным о личных связях и финансовых делах обоих лидеров, что позволило ему отделить руководителей вооруженных формирований от сообщества их сторонников и перетянуть таких сторонников на сторону грузинского государства. Это сработало не потому что грузинское государство было сильным (хотя наследство советской эпохи в виде личных папок сотрудников КГБ, возможно, и помогло), но в силу того, что у самого Саакашвили были свои личные связи, которыми он смог воспользоваться.

В Аджарии именно друг Саакашвили и его университетский одногруппник Леван Варшаломидзе стал тем, кто открыл ему дверь: отец Варшаломидзе ранее был высокопоставленным чиновником в администрации Абашидзе, а его семья была среди кланов, пользовавшихся расположением Абашидзе. Когда Саакашвили сместил Абашидзе с поста главы Аджарии, он назначил Варшаломидзе на его место, обеспечив тем самым плавную передачу власти. Ирония судьбы состоит в том, что в нынешней Украине Саакашвили стал губернатором Одесской области, приехав в туда качестве чужака; возможно, он не извлек урока из своего собственного предшествовавшего опыта.

Связь с Верхним Кодори обеспечивал Ираклий Аласания – дружественный Саакашвили политик из Тбилиси. Аласания пользовался доверием в Верхнем Кодори. Его отец, сотрудник грузинских спецслужб, был убит в гражданской войне в Абхазии, а сам он, (когда Квициани отсутствовал) часто навещал Кодори на вертолете, чтобы вести переговоры с представителями местного сообщества.

Экстраполяция этого урока применительно к восточной Украине ведет к неудобному выводу: вполне возможно, что на самом деле интересы Киева состоят в поддержании

хороших отношений с олигархами в качестве дружественных государству каналов коммуникации с неформальными вооруженными формированиями. Досрочно обрывая связи с олигархами, Киев лишается ясного механизма контроля над такими формированиями. Перспектива государства заполучить надежные источники агентурных данных о функционировании вооруженных формирований в данном случае сомнительна, учитывая что в украинское контрразведывательное агентство, СБУ, как хорошо известно, проникли [российские шпионы](#). Учитывая это обстоятельство, Киеву вероятно необходимо работать со связанными с вооруженными формированиями олигархами, чтобы в долгосрочной перспективе иметь шансы предотвратить раздел украинской территории, какой бы она не оказалась после окончания войны у восточной границы Украины.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org